

БОРИС КРИГЕР

**ВОЛЬТЕР
И СОБЛАЗНЫ
ПРОСВЕЩЕНИЯ**

КРИТИКА ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

БОРИС КРИГЕР

ВОЛЬТЕР
И СОБЛАЗНЫ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

© 2024 Boris Kriger

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to krigerbruce@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Борис Кригер. Вольтер и соблазны просвещения

Книга искусно сочетает глубокий анализ философских идей с яркими примерами из жизни Вольтера, предлагая читателю новый взгляд на его противоречивую личность и вклад в мировую культуру. Особенности книги включают археологию редких текстов, где автор уделяет особое внимание малоизвестным произведениям Вольтера, которые редко упоминаются в других работах, что позволяет глубже понять настоящего Вольтера, освобожденного от стереотипов и мифов. Ироничный и легкий стиль, несмотря на серьезность рассматриваемых тем, делает чтение увлекательным и доступным для широкой аудитории. Интересен и критический подход, где автор не боится подвергать сомнению общепринятые мнения о Вольтере, предлагая свою интерпретацию его философских идей и жизненного пути.

ВОЛЬТЕР И СОБЛАЗНЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

1

Если бы Вольтера не было, его надо было бы придумать! Ведь именно так, Вольтер сказал о Боге, если бы его не Бога, его надо было придумать. А теперь мы говорим так о нём самом, потому что он сам превратился если не в бога, то в идола.

Людям, нужны удобные и очевидные ориентиры, нам трудно удерживать во внимании слишком много разнообразных идей, и от этого возникает известное стремление наше всё разложить по полочкам и украсить бюстами великих.

И не важно, что на бюстах этих пятна досадной противоречивости, облупившаяся краска слабо обоснованных мыслей, да и острота идей уже не та.

Однако, людям нужен идол – это удобно и практично. Ведь мы готовы принять любую чушь, если она достаточно легко усваивается. И это у меня не острый приступ мизантропии, а, в известном смысле, реалистичная самокритика, ведь я сам, какой-никакой человек, и всё человеческое мне весьма не чуждо.

К слову, те, кого раздражает мой фривольный стиль, не торопитесь закрывать книгу. Мы раскопаем с вами давно забытое в наследии Вольтера, и вы не потратите время напрасно. Те же кто страшатся скуки и спешат по словам его героя Кандида суетливо «возделывать свой сад», как говорится, «cultiver notre jardin», тоже не торопитесь покидать нас, я и для вас, дорогие дачники-садовники постараюсь быть достаточно занимательным. Хотя впрочем если я раздражаю вас, то лучше послать читателя куда подальше с первых строк, как сделал бы Вольтер, ибо мы в ответе за тех, кого вовремя не послали!

Что бы люди делали без таких провокаторов как Вольтер? Острословов, скандалистов, вольнодумцев? Скучно, жили бы, скучно. Не было бы кого цитировать, не было бы кому завидовать, и не было бы кого во всём винить. Всё-таки, посудите сами, как удобно — вместо того чтобы разбираться в глубинных косяках философии и истории, во всём винить вольтеров и иже с ними. Когда хоть кто-то оказывается виноват в нашем нынешнем кривом миропонимании, сразу чувствуешь себя значительно

выше великих, даже без излишних каблуков весьма поизносившихся прописных истин.

В век Вольтера, в его кривом зеркале афоризмов и витийств, всё кружилось, наряжаясь в маски, пух и прах куртуазности. Маркизы и мадемуазели, куртизанки и обезьянки под фальшиво брильянтовыми люстрами своих безмерно безвкусных залов, не имея доступа к новшествам нашей интернетной эпохи, бесконечно судачили об утончённых ничтожествах (то есть о других) с таким же воодушевлением, как и о восхитительных господах (то есть о себе самих ...)

Войдя без приглашения в эти аляповатые залы, что нового можно узнать о Вольтере? Всё уже сказано... Не прорваться - не пробраться сквозь образ лакированного истукана, позолоченного идола... Но если взять полное собрание его сочинений, например *Oeuvres complètes de Voltaire*, éd. Louis Moland (Paris, Garnier, 1877-1885), можно найти удивительные чуть ли не затерянные сокровища подлинного Вольтера.

Чтобы действительно понять философа надо не перечитывать зачитанные до дыр знаменитые произведения, а заняться археологией редких текстов, раскопками в увесистых томах полных собраний сочинений. Там есть почти никому не известные работы, в которых рассыпаны драгоценные крупицы, где можно встретить настоящего Вольтера без показухи и лоска и внезапно увидеть в нем живого остроумца и настоящего мыслителя, потому что такие затерянные произведения читали единицы, быть может, разве что специалисты, и скорее всего очень много лет назад. И вот вам в качестве лакомого кусочка на пробу удивительный подарок его неповторимой ироничности.

В двадцатом томе в маленьком отрывке о Ньютоне и Декарте *Sur Newton et Descartes* [1756], шестидесяти-двух летний Вольтер пишет “В молодости я верил, что Ньютон сделал свою карьеру благодаря своему чрезвычайному таланту. Я думал, что двор и город Лондон назначили его единогласно великим мастером монетного двора королевства. Ничуть не бывало. У Ньютона была довольно милая племянница по имени мадам Кондуйт; она очень понравилась великому казначею Галифаксу. Бесконечные

множества, интегральное исчисление и гравитация не принесли бы ему ничего без миловидной племянницы. (*Le calcul infinitésimal et la gravitation ne lui auraient servi de rien sans une jolie nièce.*)”

В отличие от Ньютона, который не только благодаря своим научным открытиям, но и помощи миловидной племянницы занял своё место в истории, Вольтеру пришлось изрядно потрудиться, дабы добиться признания. Философ дважды оказывался в Бастилии, и, возможно, эти, мягко говоря, неприятные испытания, отчасти помогли ему заявить о себе, или, по крайней мере, обратить на себя внимание. Ведь каждый срок в тюрьме делал его фигурой все более значительного масштаба в глазах падких на сплетни современников. Это так важно всякому великому человеку непременно посидеть в тюрьме, не так ли? Вы еще не сидели? Значит вы недостаточно велики!

Впрочем, если первый срок Вольтер мотал за литературное оскорбление герцога Орлеанского, на минуточку регента малолетнего монарха, второе заключение, однако, было менее славным, можно сказать, прозаичным, хоть и не лишенным свойственной для Вольтера скандальности. Философ подвергся аресту за ссору с аристократом Ги Огюстом де Роганом-Шабо, который нанёс ему оскорблениe, и Вольтер ответил вызовом на дуэль, но, будучи не знатен, был избит слугами обидчика. В дополнение к таким невзгодам Вольтер ёщё и был арестован и вновь отправлен в Бастилию.

В конце концов, не тюремные сроки, а именно его успехи в литературе и философии принесли Вольтеру славу величайшего мыслителя эпохи Просвещения. Но, оказывается, иногда пути фортуны весьма неочевидны и приходится посидеть в тюрьме.

Что может быть глупее заключать интеллигентного человека в темницу? Подобные наказания вообще не имеет никакой пользы, как, впрочем, и любые другие попытки обуздать упрямую человеческую склонность к свободе.

В дальнейшем Вольтер на три года отправился в изгнание в Британию, где углубился в изучение её политического

устройства, науки, философии и литературы. По возвращении во Францию он издал свои наблюдения в "Философских письмах", которые были конфискованы властями, а издатель за это поплатился заключением в ту же самую Бастилию. Вольтеру снова пришлось бежать, на этот раз он нашел приют у своего предмета души, маркизы дю Шатле в Лотарингии, где провёл пятнадцать лет несмотря на то, что маркиза была замужем. Но не нам их судить, ведь горячее всех судит тот, кто и сам хотел бы так же нахалыву прожить полтора десятилетия с замужней маркизой, но умом и обаянием не вышел, или не осмелился, или просто судьба так удачно не сложилась... Вообще, бросьте кого-либо судить, а то вас самих быстро осудят, и глазом моргнуть не успеете... Таков духовный закон бытия, или, «пустое суеверие» как выразился бы неотразимый Вольтер. Уж он-то судить любил и умел.

В Британии Вольтер достаточно хорошо овладел английским языком, что было редкостью для французского интеллектуала его времени, и знание английского сыграло важную роль в его творчестве. Он читал и переводил произведения английских философов и ученых, таких как Джон Локк и Исаак Ньютон, чьи работы оказали значительное влияние на его собственные научно-философские взгляды.

"Философские письма", также известные как "Письма о английской нации", свидетельствуют о его глубоком понимании английской культуры, политики и философии. В этом труде Вольтер сравнивал французскую и английскую модели, часто выставляя Францию в менее выгодном свете. Особенно резкую критику он выразил в отношении абсолютной монархии, которая была основой французского правления, в то время как в Англии уже действовала конституционная монархия, чья власть была ограничена парламентом. Вольтер также обрушился с критикой на французскую религиозную жизнь, особенно на католическую церковь, указывая на ее деспотизм и суеверия по сравнению с англиканской церковью, которая, по его мнению, способствовала большей религиозной терпимости и разумности. Такие взгляды вызвали ярость среди французских властей и церковных лидеров, которые увидели в его работах угрозу устоям и стабильности

государства. Книга была запрещена, а Вольтеру пришлось бежать из Парижа, чтобы избежать ареста.

Вот если бы Вольтер жил в наше время, он бы точно получил бы реальный срок лет на десять, за свои изощрённые сочинения, залипая в этих наших ТикТоках и Тиндерах. Задумайтесь, весь яд сарказма Вольтера оказался бы у каждого из нас в смартфоне! Все те же перья и маски, только в цифровом формате. Знакомства? Не на балах, а в приложении. Свайп влево, свайп вправо – вот и весь бал. Куртуазность? Нет уж, теперь вместо этого знай пиши комменты и ставь "лайки".

А этот наш ТикТок весьма во вкусе Вольтера, ох, какой разгул виртуальных париков и масок! Каждый может быть кем угодно, хоть королем, хоть шутом, а чаще одновременно. Мгновенные минуты – не танцы под арфу, а под рэп или поп-хиты. Всё для зрелища, всё для того, чтобы клёво хайпануть, засветиться. Вольтер бы, конечно, не обошелся без нового поста ежедневно, превращал бы заголовки новостей в мемы вместо афоризмов, да рассыпал их в видеоформате подписчикам "Смотрите, господа, вот она, новая эра куртуазности – каждый сам себе режиссер, актер и зритель. Век супер просвещения, не иначе!"

И даже страшно подумать, что было бы если б Вольтер стал писать о порносайтах... Представьте себе трактат об этом пера великого мэтра Вольтера.

Но довольно фантазий, нам пора возвращаться в пронафтalinенный век, где каждый вечер в Париже – новый спектакль, где смазливая комедиантка, не отличается от куртизанки, и сам играешь роль не изящнее, чем твой будущий сосед по нелепому склепу. А сколько там было перьев, кружев и мелких интриг, сотканных из шелковых нитей сплетен...

Этот век, словно шут в балахоне просвещения, изобретал всё новые способы безумства задрапированного под триумф разума, где важно было не то, что вы думаете, а то, как элегантно вы можете это выразить, причём так, чтобы никто и подумать не мог, что за кружевами скрывается зияющая пустота. Эх, Вольтер, мастер слова и иронии, с удовольствием участвующий в этом

балете масок, остро и точно подмечая собственное лицемерие, каждую искусно вымученную эмоцию, превращая жеманство эпохи в остроумную гениальность.

Ах, этот век Вольтера, подумать только! Все такие вежливые, что и слово поперёк не скажешь, а слово – оно ведь как знать? Может и не надо говорить. Бог однажды сказал СЛОВО и может быть до сих пор о том жалеет...

Вот сидят придворные, заливисто смеются над чем положено, и втихаря хихикают, над чем не положено. Высокие манеры на высотой на уровне альпийских лугов, компрене-ву? Рюши, кружева... Маскарад! А под маской? Под маской – гулкое эхо. Шелковые чулки, каблуки... а души? А души, сударь, в чулках не нарядишь! Вы только представьте себе душу в чулках? Лучше не будем и мы тут умничать, а то вдруг что мудрое выскочит ненароком, а это дурной тон. Светские беседы должны быть легки и бесполезны, как и те, кто их ведёт.

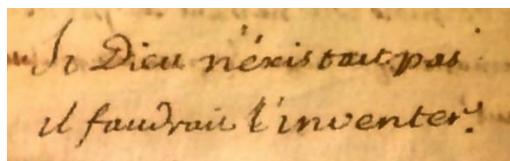
И вдруг, в этом всём великолепии Вольтер со своей едким сарказмом – не трюфель, а сморчок на французском пиру жизни. Его факел убийственной иронии пылал в тщетных поисках человека посреди этого кукольного балета.

Ай, да Вольтер! Кого же еще винить в том, что и через два века всё на свете будет не так как хотелось бы, и при этом самим элегантно уклониться от ответственности? Это же искусство — делать вид, что один борешься с миром, а на самом деле размахиваешь бутафорской шпагой в пустоте.

Представьте себе мир без таких как Вольтер. Дискуссии о религии превратились бы в унылые догматические споры, где каждое слово неповоротливо как бочка с дурным вином, а многократно перебранные аргументы душно пахнут нафталином. Церковь бы продолжала править душами в гордой самоуверенности, ни разу не встретив остроумного оппонента, который способен указать на ее лицемерие и абсурд, заявляя о неприосновенной церкви, *Écrasez l'infâme!* (с фр.—«Раздавите гадину!») — антиклерикальный девиз Вольтера, ставший крылатым выражением.

В связи с тем, что в большинстве европейских языков отсутствует устоявшееся выражение, соответствующее *«Écrasez l'infâme!»*, оно часто употребляется в оригинальной форме. Представление точного значения вызывает значительные трудности. Глагол *écraser* можно передать как стереть, раздавить, удушить, сокрушить, уничтожить. *Infâme* является прилагательным, которое можно перевести как негодный, позорный, постыдный, гнусный, подлый, мерзкий.

Но при этом Вольтер вовсе не был атеистом и в 1769 г. писал: «если бы Бога не было, его надо было бы придумать»
Эта фраза на французском звучит - *Si Dieu n'existe pas, il faudrait l'inventer.*

(цитата Вольтера из "Послания к автору новой книги о трех самозванцах")

Чтобы разобраться во что действительно верил Вольтер, обратимся снова к полному собранию сочинений *Oeuvres complètes de Voltaire*, éd. Louis Moland (Paris, Garnier, 1877-1885),

Во второй главе своего "Трактата о метафизике" *Traité de métaphysique* 1734 года философ излагает несколько важных аргументов как за, так и против существования Бога, создавая тем самым основу для обсуждения своих деистических взглядов.

Вольтер начинает с изложения доказательств существования Бога, утверждая, что существуют народы, не имеющие представления о Боге-творце. Эти народы, хотя и варварские, и малочисленные, всё же являются людьми. Там же он утверждает, что если знание о Боге было бы необходимо для человеческой природы, то и у диких племен, было бы столь же развитое представление о высшем существе, как у нас. Более того, среди народов, живущих в цивилизованных обществах, нет ни одного ребенка, который бы имел в голове малейшее представление о Боге. Это знание им с трудом внушают, и они часто произносят слово "Бог" всю свою жизнь, не связывая его с какой-либо устойчивой концепцией. Различие представлений о Боге среди различных культур также приводит Вольтера к мысли о том, что знание о Боге не является врожденным.

Далее Вольтер приводит два основных аргумента за существование Бога. Первый аргумент основывается на наблюдении порядка и целесообразности во вселенной, если «рассматривать не только порядок, существующий во вселенной, но и цель, к которой, кажется, стремится каждая вещь.» (considérer non seulement l'ordre qui est dans l'univers, mais la fin à laquelle chaque chose paraît se rapporter.)

Он сравнивает вселенную с часами, указывая на сложность и точность ее устройства, что, по мнению философа, указывает на существование разумного создателя. Например, он отмечает, что пружины человеческого тела устроены так, чтобы органы могли развиваться и функционировать в течение девяти месяцев в утробе, что глаза даны для видения, а руки для захвата предметов. Однако, Вольтер признает, что этот аргумент не доказывает, что Бог создал материю из ничего или что он бесконечен. «я вижу

только, что существует нечто более могущественное, чем я, и ничего более.» *je vois seulement qu'il y a quelque chose de plus puissant que moi, et rien de plus.*

Второй аргумент носит более метафизический характер. Вольтер утверждает, что если что-то существует, то должно существовать нечто вечное, являющееся первопричиной всего остального. Он считает идею бесконечной цепи причинности абсурдной и заключает, что должно быть существо, существующее само по себе и являющееся источником всех других существ. Это существо, по его мнению, обладает бесконечными качествами, такими как вечность и могущество. «Мысль и ощущение не являются сущностью материи: следовательно, они получили эти дары от высшего существа, разумного, бесконечного, и являющегося первопричиной всех существ. *la pensée et la sensation [...] elles ont donc reçu ces dons de la main d'un être suprême, intelligent, infini, et la cause originaire de tous les êtres.*»

Вольтер также представляет несколько возражений против традиционных доказательств существования Бога. Первое возражение касается идеи о том, что Бог не является этим материальным миром, а создал его либо из ничего, либо из своей собственной сущности. Он утверждает, что невозможно создать что-то из ничего, так как ничто не может дать начало существованию. Создание мира из собственной сущности Бога также представляется ему логически противоречивым, поскольку это означало бы, что мир является частью божественной сущности.

Второе возражение касается необходимости или свободы воли Бога в создании мира. Если Бог создал мир по необходимости, то мир должен был всегда существовать, так как необходимость вечна. Это приводит к противоречию, поскольку мир был бы одновременно вечным и созданным. Если же Бог создал его свободно, без какой-либо предшествующей причины, это также противоречит идеи бесконечно мудрого существа, которое действует без причины, и бесконечно могущественного существа, которое прошло вечность, не используя свою мощь.

Третье возражение касается порядка и целесообразности в природе, которые, по мнению многих, указывают на существование разумного творца. Вольтер отмечает, что философы считают, что все явления в природе происходят по вечным, независимым и неизменным математическим законам. Чем больше мы открываем в структуре вселенной, тем больше убеждаемся, что она устроена согласно математическим законам. Он утверждает, что эти законы, действуя по своей природе, приводят к необходимым эффектам, которые принимают за произвольные определения разумной силы.

Наконец, Вольтер подчеркивает, что если устройство мира и жизнь существ доказывают существование Бога, то это также доказывало бы существование варварского существа. Он указывает на страдания и жестокости в природе, отмечая, что каждая живущая тварь вынуждена уничтожать других для своего существования. Это противоречит представлению о бесконечной мудрости и доброте Бога. Вольтер считает, что такие представления о Боге трудно примирить с наблюдаемой реальностью.

В «Назидательных проповедях, прочитанных в приватном собрании в Лондоне в 1765 году» ("Homelies, prononcées à Londres en 1765, dans une assemblée privée") гораздо более позднем тексте Вольтера, читаем: «Если вы на протяжении вечности будете выбрасывать тысячу игральных костей, необходимо возникнет случай, когда выпадет тысяча одинаковых очков и можно будет даже определить шансы за и против. Но, прежде всего, нет никакого доказательства, что движение присуще материи; напротив, все мудрецы согласны: материя индифферентна по отношению к движению и покою... И, даже если бы для материи столь же необходимо было находиться в движении, сколь необходимо ей иметь форму, это никак не свидетельствовало бы против направляющего движение интеллекта, также лепящего различные его формы. И пример с тысячу игральных костей, дающих одинаковый шанс, имеет еще меньшее отношение к вопросу, чем обычно думают. Дело ведь не в том, чтобы понять, выстроит ли движение различным образом кубики; разумеется, - что вполне возможно - тысяча костяшек

покажут тысячу шестерок или тысячу раз одно, хотя это и весьма трудно. Однако речь здесь идет о непреднамеренном устройстве материи, не имеющем ни определенной организации, ни пользы; но чтобы одно только движение создавало существа, снабженные органами, функционирование коих непостижимо «*Mais que le mouvement seul produise des êtres pourvus d'organes dont le jeu est incompréhensible*»; чтобы эти органы находились по отношению друг к другу в определенном соответствии; чтобы бесчисленные усилия приводили к бесчисленным следствиям с правильностью, коя никогда не расстраивается; чтобы все живые существа производили себе подобных, и так далее;

Целая вечность всевозможных движений никогда не вызовет ни ощущения, ни идеи; и пусть мне это простят, но нужно утратить всякое чувство и сознание для того, чтобы утверждать, будто одно только движение материи делает существа чувствующими и мыслящими.» (*et qu'on me le pardonne, il faut avoir perdu le sens ou la bonne foi, pour dire que le seul mouvement de la matière fait des êtres sentants et pensants.*)

Эти размышления Вольтера составляют основу для дальнейшего обсуждения основ деизма, подчеркивая его скептический подход к традиционным религиозным доктринаам и стремление найти рациональные объяснения существования мира и человеческого бытия.

С современной точки зрения можно поддержать Вольтера, утверждая, что вопрос о происхождении сознания и чувства остается открытым и наука пока не может полностью объяснить, как из чисто физических процессов возникает сознание. Теория о том, что сознание является непрерывным продуктом сложных нейронных взаимодействий в мозге, хотя и является доминирующей, все еще требует уточнения и доказательств.

Однако, с другой стороны, можно возразить Вольтеру, ссылаясь на достижения современной науки в изучении квантовой физики и нейробиологии. В настоящее время известно, что материя на квантовом уровне демонстрирует свойства, которые могут

рассматриваться как индикаторы внутренней активности или даже примитивной способности к "решениям", отличных от полной инертности. Кроме того, теории о возникновении жизни через самоорганизацию молекул предполагают, что под определенными условиями материя может самостоятельно формировать сложные структуры, которые в итоге приводят к появлению жизни и сознания.

Таким образом, хотя Вольтер в свое время предложил важные аргументы в пользу необходимости разума или интеллекта для объяснения организации и сознания в материи, современные научные открытия позволяют рассматривать альтернативные гипотезы, которые могут объяснить эти явления без обращения к сверхъестественным или внешним разумным силам.

Всегда есть нечто печальное в том, как мы смотрим на умы прошлого, которые, не имея доступа к нашим знаниям, пытались разгадать тайны Вселенной будучи столь ограниченными средствами и информацией. Они стремились к пониманию мира, опираясь на философию, наблюдения и интеллектуальные размышления. В их усилиях есть нечто трогательно-трагическое, ведь мы видим, как далеко они смогли зайти и как много они действительно поняли, несмотря на все ограничения.

Точно так же, в будущем, наши потомки могут смотреть на нас с сожалением и умиление, видя, как мы сейчас боремся с вопросами, которые для них могут показаться очевидными. Наши современные теории и открытия, кажущиеся нам вершиной научной мысли, возможно, будут видеться им лишь шагами к еще большему пониманию. Это напоминает о бесконечности пути науки и знаний, где каждое поколение строит мосты к новым открытиям, стоя на плечах своих предшественников, помятуя известную цитату Ньютона, что он стоял на плечах гигантов. Эта череда поколений напоминает о нашей скромной роли в длинной и хрупкой цепочке человеческого стремления к знанию.

В "Трактате о метафизике" Вольтер пишет "В системе атеизма меньше абсурда, чем в системе деизма (он употребляет именно это слово *déisme*); потому что, с одной стороны, нам

действительно нужно представить себе этот мир вечным и бесконечным; а с другой стороны, в деизме нам нужно представить себе другое существо, бесконечное и вечное, и к этому добавить идею творения, о которой мы не можем иметь никакого представления. "...que nous imaginions un autre être infini et éternel, et que nous y ajoutions la création dont nous ne pouvons avoir d'idées.***

И всё же Вольтер был сторонником деизма.

В совсем маленьком отрывке о деизме *Du déisme* [1742] он цитирует Бэкона, что он «говорил правду, что немного философии делает человека атеистом, а много философии ведёт к знанию Бога.» “qu'un peu de philosophie rend un homme athée, et que beaucoup de philosophie mène à la connaissance d'un Dieu.” И там же “с тех пор как стало известно, что даже гриб является произведением бесконечной мудрости, так же как и все миры, те, кто думают, начали восхищаться там, где их предшественники богохульствовали. Физики стали глашатаями Провидения: катехизатор объявляет Бога детям, а Ньютон доказывает его мудрецам. un catéchiste annonce Dieu à des enfants, et un Newton le démontre aux sages.”

«Почему из пяти или шести сотен сект почти ни одна не обошлась без кровопролития, тогда как теисты, которых повсюду так много, никогда не вызывают ни малейшего беспорядка? Потому что теисты – это философы. Философы могут делать ошибочные выводы, но они никогда не устраивают интриг. (des philosophes peuvent faire de mauvais raisonnements, mais ils ne font jamais d'intrigues.) Те, кто преследуют философа, под предлогом, что его мнения могут быть опасны для общества, так же нелепы, как и те, кто боится, что изучение алгебры приведёт к росту цен на хлеб на рынке;»

Выбор Вольтера в пользу философской позиции деизма (или теизма) вместо атеизма можно объяснить несколькими причинами.

Вольтер считал, что вселенная и природа демонстрируют ясные признаки порядка, гармонии и рациональности. Он верил, что такой порядок не мог возникнуть случайно, а следовательно, должен быть результатом действия некоего высшего разума или создателя. Деизм позволял ему сохранять веру в разум, который он высоко ценил.

Итак, попробуем дать современную оценку рассуждениям Вольтера, предлагавшего несколько аргументов как за, так и против существования Бога, которые с современной точки зрения можно рассмотреть критически.

Начнем с его утверждения о том, что наличие или отсутствие представлений о Боге среди различных народов доказывает, что знание о Боге не является врожденным. Современная антропология поддерживает эту точку зрения, показывая, что религиозные представления сильно варьируются и зависят от культурного контекста, а не являются универсальными или врожденными. Это подчеркивает, что религия – это социальный и культурный феномен, а не биологическая необходимость.

Вольтер также приводит аргумент о порядке и целесообразности во вселенной, сравнивая ее с часами. С современной точки зрения этот аргумент ослабляется теорией эволюции и природными законами, которые могут объяснить сложные структуры и явления без необходимости прибегать к существованию разумного создателя. Эволюционная биология и физика предоставляют объяснения, основанные на естественных процессах, которые могут создать сложные и упорядоченные системы без вмешательства высшего разума.

Аргумент Вольтера о необходимости существования вечного и первопричинного существа, чтобы избежать бесконечной цепи причинности, также подвергается критике с точки зрения современной науки и философии. Современные концепции квантовой физики и космологии предлагают модели, в которых понятия начала или первопричины не обязательно применимы или могут быть пересмотрены. Идея мультивселенной, например, позволяет рассматривать наш мир как одну из множества

возможных вселенных, где каждая может иметь свои собственные физические законы и начала.

Критика Вольтера традиционных доказательств существования Бога, таких как создание мира из ничего или из божественной сущности, также актуальна. Он утверждает, что создание из ничего логически невозможно, что поддерживается современной философией, ставящей под сомнение понятие "ничто". Вольтер также указывает на проблемы с идеей божественной необходимости или свободы воли в создании мира, что является важным аргументом в дискуссиях о природе божественного вмешательства и предопределения.

Наконец, Вольтер подчеркивает страдания и жестокости в природе как аргумент против существования бесконечно доброго и мудрого Бога. Это напоминает современную проблему теодицеи, которая остается актуальной в обсуждениях религии и философии. Природные катастрофы, болезни и жестокость в животном мире трудно примирить с представлением о доброжелательном и всемогущем боже, что усиливает позиции скептиков и атеистов.

Так или иначе, Вольтер в своем трактате затрагивает многие вопросы, которые остаются важными и в современной философии и науке. Его критический подход к традиционным религиозным доктринаам и стремление найти рациональные объяснения существования мира и человеческого бытия продолжают вдохновлять современные дискуссии о природе божественного и роли религии в обществе.

В «Назидательных проповедях» Вольтер пишет: «Каково это существо [Божье]? Quel est cet Etre? Существует ли оно в безмерном пространстве? Existe-t-il dans l'immensité? Является ли пространство одним из его атрибутов? L'espace est-il un de ses attributs? Находится ли это бытие в одном месте или сразу во всех, а может быть и вне места? О, если бы оно навсегда предотвратило мое копание в этих метафизических тонкостях! Я слишком злоупотреблю своим слабым разумом, если стану стремиться полностью понять бытие, долженствующее в силу

как своей природы, так и моей оставаться для меня непостижимыми.

Давайте же ограничим наше ненасытное и бесполезное любопытство и займемся тем, что поистине нам интересно. Является ли Верховный Мастер, создавший мир и нас самих, нашим господином? Милостив ли он? Должны ли мы быть ему признательны?»

«Зло наводняет Землю. *Le mal inonde la terre* Какой вывод сделаем мы из этого с помощью наших слабых суждений? Что вообще не существует Бога? *Qu'il n'y a point de Dieu?* Но он [уже одним нашим существованием] доказал нам свое бытие. Скажем ли мы, что этот Бог - зло? *Dirons-nous que ce Dieu est méchant?* Но идея эта абсурдна, ужасна, противоречива. *Mais cette idée est absurde, horrible, contradictoire.* Будем ли мы подозревать Бога в бессилии и думать, будто тот, кто столь прекрасно устроил все звезды, не сумел организовать всех людей? Предположение это не менее нестерпимо. Скажем, что существует злое начало, портящее творения доброго и превращающее их в уродов? Но почему же это злое начало не расстраивает течение всей остальной природы? Почему оно ожесточенно мучает лишь какие-то слабые существа на жалкой этой планете и в то же время относится с уважением к прочим творениям своего врага? Почему не преследует оно Бога в этих миллионах миров, правильно врачающихся в пространстве? Каким образом два враждебных друг другу Бога могут быть равно необходимыми существами? И как могут они сосуществовать? Примем ли мы сторону оптимизма? Но ведь это означает, по существу, защиту безысходной фатальности.»

«Физическое и моральное зло, несомненно, является следствием устройства этого мира, да это и не может быть иначе. *Le mal physique et le mal moral sont l'effet de la constitution de ce monde, sans doute;* Когда говорят, что все хорошо, это может означать лишь, что все организовано в соответствии с физическими законами; но, разумеется, не все хорошо у бесчисленного множества страдающих существ и у тех, кто заставляет страдать других. Это признают в своих рассуждениях все моралисты; об этом громко вопиют люди, оказывающиеся жертвами зла.

Какое омерзительное утешение - говорить несчастным, преследуемым и оклеветанным, задыхающимся от мук: Все

хорошо, мы не можете надеяться на лучшее! Tout est bien; vous n'avez rien à espérer de mieux ? Ведь такая речь могла бы быть обращена лишь к существам, почитаемым вечно виновными и в силу необходимости заранее обречеными на вечные муки.»

В этой книге мы не коснемся спора Вольтера с Лейбницем о том, является ли наш мир лучшим из возможных миров. Об этом вы можете прочитать в моей книге «Лучший из миров Лейбница».

Через диалог с классическим текстом «Монадологии» Лейбница я пытаюсь критически анализировать основные аргументы в пользу и против представления о том, что наш мир является наилучшим из всех возможных, обращаясь к проблеме зла и страдания, теории хаоса и эволюции, а также рассматривая возможность существования других, потенциально «лучших» миров с философских, этических и научных точек зрения.

Опираясь на свою другую книгу «Руководство по сотворению миров», я развиваю идею о необходимости существования высшего морального закона для творцов, который предписывает избегать создания миров, мучительных для их обитателей. Это утверждение особенно резонирует в контексте нашей будущей способности симулировать сложные виртуальные реальности, где сознательные сущности могут испытывать страдания. Обсуждение включает в себя размышления о потенциальной виртуальности нашего мира, субъективности восприятия виртуальных существ и их правах, задавая фундаментальные вопросы о границах ответственности и этических обязательств перед созидаемыми мирами. Книга является не только философским исследованием, но и призывом к глубоким размышлениям о нашем месте во Вселенной, о ценностях, которыми мы руководствуемся, и о бесконечных возможностях для создания лучшего мира. Подробным образом обсуждается там и наиболее часто публикуемое и читаемое произведение Вольтера «Кандид или оптимизм», посвященное острой полемике с концепцией Лейбница лучшего из возможных миров.

С современной точки зрения на вопросы, поднятые Вольтером о природе Бога и существовании зла, можно подойти через призму различных философских и теологических течений. Например, в рамках теодицеи — попытки объяснить существование зла в

мире, созданном всемогущим и вселюбящим Богом. Современные мыслители часто признают, что зло и страдания являются неотъемлемой частью человеческого опыта, которые могут способствовать духовному росту и развитию личности.

Проблема зла рассматривается также в контексте свободы воли. Многие считают, что для настоящей моральной ответственности необходима свобода выбора, включая возможность совершать зло. Такой подход подчеркивает значимость человеческой автономии и морального выбора в структуре мироздания.

Научный подход может рассматривать зло и страдания как результаты естественных процессов или социальных условий, подчеркивая роль образования, социальной структуры и психологических факторов в формировании человеческих действий. Этот взгляд подчеркивает важность понимания и изменения социальных условий для минимизации страданий.

А посему, в современном мире вопросы о Боге, зле и страданиях не теряют актуальности, но трактуются сквозь призму более широкого контекста научных знаний и морально-этических размышлений. Можно сказать, что вопросы о природе Бога, существовании зла и страданий остаются не разрешенными в философии и теологии. Эти вопросы по-прежнему вызывают бурные дебаты и порождают множество теорий и интерпретаций, но универсального ответа, признанного всеми, пока не найдено. Они затрагивают глубокие и основополагающие аспекты человеческого существования и мировоззрения, каждое из которых имеет свои предпосылки и выводы, часто зависящие от культурных, личных и духовных убеждений. Эта открытость вопросов делает их вечными темами для размышлений и дискуссий во многих культурах и религиях по всему миру.

Вольтер был ярым критиком организованной религии, особенно католической церкви, и ее догм. Однако, он считал, что полное отрицание существования Бога могло бы привести к моральному хаосу. Деизм позволял ему признавать существование высшего существа, не прибегая к догматизму и ритуалам, характерным для традиционных религий.

Вольтер верил, что вера в бога природы может служить основой для морали и этики. Он считал, что такая вера могла бы вдохновить людей на добродетельные поступки и поддержание порядка в обществе, не прибегая к страху перед адом или божественным наказанием. Философ находился под влиянием других деистов и философов Просвещения, таких как Джон Локк и Александр Поуп. Эти мыслители видели в деизме рациональную альтернативу традиционной религии, которая не противоречила бы научным открытиям и разуму.

Вольтер, возможно, считал, что открытое провозглашение атеизма могло быть социально и политически опасным в его время. Деизм представлял собой более умеренную и приемлемую форму религиозной веры, которая позволяла ему критиковать церковь и догмы, не подвергая себя и своих последователей чрезмерной опасности.

А посему, выбор Вольтера в пользу деизма был обусловлен его стремлением к разуму, порядку и этике, а также его критикой организованной религии и социальной pragmatикой.

Вольтер отрицал христианские догматы и критиковал христианские ценности, ибо видел в католической церкви источник коррупции, лицемерия и угнетения. Он считал, что церковь использовала религиозные догмы для поддержания своей власти и влияния, часто в ущерб индивидуальной свободе и рациональному мышлению. Философ был свидетелем ужасных последствий религиозных войн и конфликтов, вызванных религиозной нетерпимостью и фанатизмом. Он критиковал христианские догматы, которые, по его мнению, способствовали разделению и насилию, вместо того чтобы пропагандировать мир и гармонию.

3

Иезуитское образование оказало глубокое влияние на характер Вольтера, сформировав у него ряд качеств, которые определили его как личность и мыслителя.

Во-первых, иезуиты привили ему дисциплину и усидчивость. Строгие методы обучения и требовательность иезуитов помогли Вольтеру развить способность к упорному труду и самодисциплине, что было необходимо для его плодотворной писательской и философской деятельности.

Во-вторых, образование в иезуитском колледже способствовало развитию у Вольтера критического мышления и скептицизма. Иезуиты поощряли обсуждение и анализ философских и теологических вопросов, что сформировало у Вольтера привычку подвергать сомнению авторитеты и догмы. Это качество стало одним из ключевых в его деятельности как просветителя и критика религиозных и политических институтов.

Третьим важным аспектом является развитие у Вольтера ораторских и литературных навыков. Иезуиты уделяли большое внимание риторике и красноречию, что помогло Вольтеру стать мастером слова и эффективным коммуникатором. Его умение ясно и убедительно выражать свои мысли сыграло важную роль в его успехе как писателя и общественного деятеля.

Кроме того, несмотря на строгость и дисциплину иезуитского образования, Вольтер впоследствии стал ярым противником религиозного догматизма и нетерпимости. Этот парадокс объясняется тем, что иезуиты, обучая своих учеников критическому мышлению, невольно способствовали развитию у Вольтера духа независимости и свободомыслия. Таким образом, иезуитское образование, с одной стороны, закалило его характер, а с другой – посеяло семена скептицизма и критического отношения к религиозным и политическим институтам.

Вольтер будучи совсем юным, использует фривольный тон в посвященном регенту стихотворении, одном из которых стоили ему Бастилии, упоминая, что сам вышел из иезуитов, рифмует это со словом содомиты.

“Рифмач, что сам из иезуитов
В народах древнего закона
Знал не иначе содомитов.”

“Un rimeur sorti des jésuites
Des peuples de l'ancienne loi
Ne connaît que les Sodomites.”

что создает ироничный и провокационный эффект. В этом контексте Вольтер критикует иезуитов и их влияние. Иезуиты были известны своим строгим католическим образованием и воспитанием, что Вольтер считал ограничивающим свободу мысли и выражения. Он описывает поэта, который получил свое образование в иезуитской школе, подчеркивая его религиозное и строгое воспитание. Далее он утверждает, что этот поэт знает народы древнего закона только как содомитов, что намекает на ограниченное и предвзятое восприятие истории и религии, которое поэт получил благодаря своему образованию.

Посещение Вольтером тайного общества Темпель оказало значительное влияние на его взгляды и связи. "Общество Храма" было уникальным феноменом в истории идей, охватывающим эпоху вольнодумцев семнадцатого века и Просвещением восемнадцатого века. Это место, изначально построенное как укреплённая ложа тамплиеров в конце двенадцатого века, перешло в руки рыцарей Мальтийского ордена и превратилось в ассамблею для поэтов и прочих, как говорится, свободных духом. В 1667 году территория Темпля была облагорожена резиденцией Филиппа де Вандома, предоставляющему убежище должникам и инакомыслящим.

Филипп де Вандом, внук Генриха IV, наслаждался независимостью до тех пор, пока его экстравагантный образ

жизни не заставил Людовика XIV отправить Филиппа в изгнание в 1706 году. В восемнадцатом веке Темпль стал местом, где свободно собирались долгожители и вольнодумцы, создавая остров свободы в сердце Парижа. Основными фигурами здесь стали аббат де Шолиё и его друзья-поэты, которые превратили Храм в центр эпикурейской культуры и поэтических встреч.

Шолиё, ставший арендатором дома в Темпле в 1680-х, привлекал к себе множество поэтов и аристократов, желающих погрузиться в мир поэзии и свободы мысли. Среди его гостей были такие знаменитости, как Лафонтен и Вольтер, причём последний впоследствии вспоминал о впечатляющих встречах в Темпль, где возвышенность соседствовала с ниспровержением общепринятых ценностей.

На протяжении своего существования "Общество Храма" служило не только пристанищем для умов, ищущих свободу, но и кузницей идей, которые формировали культурный ландшафт Франции на грани двух веков, оставив после себя наследие, которое до сих пор вызывает интерес у исследователей эпохи Просвещения.

В центре интеллектуальной жизни "Общества Храма" важную роль играл Вольтер, который в юности был представлен кругу аббата де Шолиё. Вольтер был впечатлён свободомыслием и неординарным образом жизни этого собрания. Он воспринял эпикурейские идеи и стиль Шолиё, которые отразились в его ранних философских и поэтических работах. Это взаимодействие сыграло значительную роль в формировании его как писателя и мыслителя, а Храм стал местом, где Вольтер, наравне с другими выдающимися личностями, вдохновлялся и формировал свои просвещённые взгляды.

Тайные общества, такие как Темпель, были важной частью интеллектуальной жизни восемнадцатого века, и Вольтер, будучи философом и мыслителем, не мог остаться в стороне от их влияния.

Во-первых, участие в таком обществе способствовало его интеллектуальному обогащению и развитию критического мышления. Тайные общества были центрами дискуссий и обмена идеями, предоставляя своим членам доступ к разнообразным философским, научным и политическим концепциям. Вольтер, будучи членом Темпеля, мог обсуждать и анализировать различные теории и взгляды, что обогатило его собственные философские позиции.

Во-вторых, тайное общество предоставило Вольтеру уникальные социальные и политические связи. Члены таких обществ часто были влиятельными фигурами своего времени — аристократами, учеными, политиками. Эти связи помогли Вольтеру укрепить свое положение в обществе и получить доступ к важным ресурсам и информации. Вольтер умело использовал эти связи для продвижения своих идей и защиты своих интересов, особенно в периоды, когда его взгляды подвергались критике или цензуре.

Третье, общество Темпль оказало на Вольтера усилило его антиклерикальные настроения. Тайные общества, как правило, выступали противником догматизма и религиозного фанатизма, что хорошо сочеталось с критикой Вольтера в адрес Католической церкви и религии в целом. Вольтер был известен своей борьбой за свободу мысли и слова, и идеи, поддерживаемые в Темпеле, усиливали его убеждения в необходимости борьбы против религиозного гнета и за, какие-никакие, права человека.

Кроме того, участие в тайных обществах повлияло на стилистику и тематику его работ. Вольтер всё чаще стал использовать аллегории и символы, чтобы обходить цензуру и передавать свои идеи. Эта тактика была характерна для литературы, созданной под влиянием тайных обществ, где прямое выражение мыслей могло быть опасным.

Вольтер, обладая живым умом и большим интересом к познанию, нашёл в Темпле среду, которая соответствовала его жажде знаний и новизны. Это общество не только предоставило ему платформу для интеллектуальных экспериментов, но и вдохновило его на

создание новых произведений, которые влияли на умы и сердца современников.

Будучи сторонником рационализма и науки, Вольтер считал, что многие христианские догматы не соответствовали научным знаниям и противоречили разуму, видя в религиозных верованиях препятствие для научного прогресса и развития человеческого мышления. Особенно такие, как концепция первородного греха и идея вечного наказания в аду, были слишком несправедливыми и морально неприемлемыми. Вольтер верил, что истинная мораль должна основываться на разуме и справедливости, а не на страхе перед божественным наказанием.

Как ярый сторонник религиозной толерантности и гуманизма, Вольтер критиковал догматы, которые способствовали нетерпимости и угнетению, и пропагандировал идеи, основанные на разуме и сострадании.

В произведении «Проповедь пастора Бурна» (*Homélie du pasteur Bourgn*), 1768 Вольтер писал: «Я умалчиваю о всех упрёках неверующих касательно наставлений и учения Христа и всех событий его жизни, столь противоречиво рассказываляемых. Потребовалось бы 20 томов, чтобы опровергнуть всё, что нам вменяют, а религия, которая нуждается в столь длинном оправдании, не может быть истинной религией. <...> et une religion qui aurait besoin d'une si longue apologie ne pourrait être la vraie religion. <...>

Если Писание порою предлагает пищу, которую большинство людей не может переварить, то мы будем питаться пищей здоровой, предназначенной для всего народа. Возлюбим бога и людей, убежим от всех споров.

Философ критиковал не только католицизм, но и религиозные догматы в целом. Он был против любых форм религиозного фанатизма и догматизма, независимо от конфессии. Хотя протестантизм предлагал более индивидуальный подход к вере и больше свободы от церковной иерархии, он все равно содержал догмы и верования, которые Вольтер считал иррациональными.

Протестантизм тоже был вовлечен в религиозные конфликты и войны, такие как Тридцатилетняя война, которые принесли много страданий и насилия. Вольтер, будучи сторонником религиозной толерантности и мира, негативно относился к любым формам религиозной нетерпимости, независимо от их происхождения.

Одним словом, Вольтер скептически относился к любой форме институциональной религии, видя в религиозных институтах источник власти, который часто использовался для угнетения и контроля над людьми. Протестантские церкви, хотя и имели меньше централизованной власти, все же представляли собой институциональные структуры, которые могли быть подвержены тем же проблемам, что и католическая церковь.

Деизм предоставлял Вольтеру философскую основу, которая соответствовала его вере в разум и природный порядок, без необходимости следовать религиозным доктринаам и ритуалам. Деизм позволял ему сохранять веру в высший разум или творца, не прибегая к традиционным религиозным институтам и доктринаам.

Вольтер имел множество личных конфликтов и споров с представителями как католической, так и протестантской церквей.

«Самый нелепый из всех деспотизмов, самый унизительный для человеческой природы, самый несообразный и самый зловредный — это деспотизм священников» - писал Вольтер.

Так или иначе, его отказ примкнуть к протестантизму был обусловлен его общей критикой религиозных доктринаам, историческими примерами религиозного насилия, скептицизмом к институциональной религии и предпочтением деизма как философской альтернативы.

Сравнение Вольтера с Руссо может помочь прояснить их различия. Вольтер, с его острым умом и склонностью к сатире, часто фокусировался на критике религии, социальных устоев и

правительства. Его стиль писательства часто был легким и остроумным, что, возможно, и создает ощущение поверхностности.

Руссо же, напротив, был глубоко философским и эмоциональным писателем, его работы часто погружались в природу человека, общественные контракты и идеалы естественного состояния. Его подход был более серьезным и меланхоличным, что создает впечатление большей глубины и искренности.

В своем "Рассуждении о происхождении неравенства" Жан-Жак Руссо утверждает, что первобытный человек был существом одиночным и что человеческая судьба не предназначена для жизни в обществе. По мнению Руссо, источником человеческих страданий является концепция частной собственности. Вольтер, прочитав эту книгу, оставил на полях множество критических замечаний.

Руссо рассуждает о преимуществах природного состояния человека, выдвигая тезис: "Если природа задумала нас здоровыми, я склонен утверждать, что размышление — это противоестественное состояние и что человек, размышляющий, — испорченное существо." Вольтер особо подчеркнул его слова "природа задумала нас здоровыми", и на закладке добавил слово "испорченное".

Руссо, называя себя "гражданином Женевы", утверждает, что человек по природе добр. Однако, описывая разложение морали в обществе, он заключает: "Вот краткая моральная картина, если не всей человеческой жизни, то хотя бы скрытых устремлений сердца каждого цивилизованного человека." Вольтер иронично добавляет: "И тем более, если возможно, дикаря".

Руссо говорит, что если бы он решил показать, как основные связи человечества и его священные узы пострадали бы, когда люди начинают обращать внимание на голос природы только после размышлений о своем имущественном положении, и когда в результате хаоса гражданских отношений добродетели и пороки

так перемещались, что воздержание стало считаться преступной предосторожностью, а отказ от дачи жизни — актом милосердия.

Вольтер, комментируя слова Руссо о превосходстве природного состояния, кратко заметил: "Чепуха". Он также отметил, что народы Севера более изобретательны, чем народы Юга, поскольку им труднее обходиться без изобретений, словно природа хотела компенсировать им плодородие ума, которого она лишила почву. Но Вольтер возразил: "Это неправда, все искусства пришли из жарких стран".

Обсуждая идею Томаса Гоббса о том, что человек по природе зол, Вольтер писал на полях: "Дикарь зол столько, сколько голодный волк". Сострадание, по мнению Руссо, — это природное чувство, которое умеряет эгоизм каждого индивида и способствует сохранению вида, занимая место законов, морали и добродетели в естественном состоянии.

Вольтер использовал свои заметки для статьи "Человек", которая вошла в "Вопросы, касающиеся Энциклопедии", где развил свою полемику с Руссо, обращая внимание на то, как люди, вдохновленные желанием выделиться, создают как лучшее, так и худшее в человечестве, включая добродетели, науки, заблуждения и даже войны.

Писал ли Вольтер что любит человечество но не любит людей? Эта фраза часто приписывается Вольтеру, но на самом деле она не найдена в его написанных работах. Она ближе по духу к высказываниям Жан-Жака Руссо, который обсуждал различие между любовью к человечеству в целом и отношением к конкретным людям. Руссо высказывал мысль о том, что часто люди могут испытывать общую любовь к человечеству, но при этом находить много недостатков в отдельных людях. Однако это выражение или его вариации могли стать популярными как обобщающий комментарий к взглядам многих просветителей на общественные и личные отношения.

Впрочем, и другая знаменитая цитата "Я не согласен с тем, что вы говорите, но до последнего вздоха буду защищать ваше право это

говорить." приписывается Вольтеру, но на самом деле не является прямой цитатой из его работ.

Что произошло бы с Вольтером, если бы он дожил до французской революции?

Это интересный вопрос, который позволяет нам поразмышлять о возможных последствиях его жизни в контексте революционных событий. Если бы Вольтер дожил до Французской революции, его судьба могла бы сложиться по-разному.

С одной стороны, Вольтер мог бы стать одним из интеллектуальных вдохновителей революционеров. Его критика старого порядка, религии и деспотизма могла бы оказаться очень актуальной и поддержать идеи свободы, равенства и братства, которые стали ключевыми лозунгами революции. Он мог бы быть почитаем как один из предвестников изменений и реформ.

С другой стороны, Вольтер мог бы оказаться в опасности. Революция была временем радикальных перемен и насилия, и многие интеллектуалы и деятели, которые критиковали существующий порядок, сами оказались под ударом. Его критика могла бы привлечь внимание радикалов, которые не терпели никакой оппозиции и видели врагов повсюду.

Интересно также подумать, как бы его идеи развивались в условиях революции. Возможно, он мог бы углубить свои мысли о свободе и правах человека или, наоборот, увидеть в революции опасности и недостатки радикальных изменений.

Если бы Вольтер дожил до времен Наполеона, его чувства и восприятие могли бы быть очень сложными и противоречивыми.

С одной стороны, Вольтер мог бы оценить некоторые достижения Наполеона, особенно его усилия по модернизации Франции. Наполеон ввел многие реформы, такие как Гражданский кодекс, который способствовал развитию правовой системы и личных свобод. Эти реформы могли бы импонировать Вольтеру, учитывая его приверженность к разуму и справедливости.

С другой стороны, Вольтер, вероятно, был бы критически настроен к авторитаризму и военным амбициям Наполеона. Вольтер всю жизнь боролся с деспотизмом и несправедливостью, и превращение Наполеона в императора, его стремление к власти и агрессивные военные кампании могли бы вызвать у Вольтера серьезные опасения и разочарование.

Также стоит учитывать, что Вольтер был ярым сторонником свободы слова и мысли, и любые попытки цензуры или ограничения свобод, которые могли происходить при режиме Наполеона, вызвали бы у него негативную реакцию.

Вольтер поддерживал концепцию "просвещённого абсолютизма" и считал, что просвещенные монархи могут принести прогресс и реформы, используя свою власть для улучшения общества. Он поддерживал таких правителей, как Фридрих Великий в Пруссии и Екатерина Великая в России, за их усилия по модернизации своих стран и продвижению просвещения.

С учетом этого Вольтер мог бы воспринять некоторые аспекты правления Наполеона положительно, особенно если бы он увидел в нем "просвещенного владыку", стремящегося к реформам и модернизации. Наполеон действительно внес значительные изменения в правовую систему, образование и административное устройство Франции, что могло бы найти отклик у Вольтера.

Однако, даже при этом, Вольтер, вероятно, не смог бы игнорировать авторитарные черты правления Наполеона, его военные амбиции и ограничение личных свобод. В итоге, его отношение к Наполеону могло бы быть сложным и двойственным, сочетая признание за достижения в области реформ с критикой за авторитаризм и милитаризм.

Наполеон поддерживал развитие науки и образования. Он основал множество учебных заведений, таких как Политехнический институт, которые сыграли важную роль в образовательной системе Франции. Эти усилия по развитию образования и науки могли бы быть очень близки идеям Вольтера.

Тем не менее, авторитарные методы правления Наполеона, его стремление к абсолютной власти и милитаристские кампании могли бы вызвать у Вольтера серьезные сомнения. В конечном счете, Вольтер, возможно, признал бы достижения Наполеона в области реформ и просвещения, но с осторожностью и критическим отношением к его авторитарным методам.

Вольтер жил в эпоху, когда монархия была преобладающей формой правления. Он видел примеры того, как просвещенные монархи, такие как Фридрих Великий и Екатерина Великая, могли внедрять реформы, продвигающие просвещение, науку и культуру. В то время как республики того периода, например, итальянские городские республики, не всегда могли обеспечить стабильность и порядок.

Будучи скептически настроен к способности широких масс управлять государством, Вольтер считал, что большинство людей не обладают достаточным образованием и знаниями для принятия важных политических решений. Поэтому он верил, что просвещенный монарх с доступом к лучшим умам и советникам может принимать более разумные и эффективные решения.

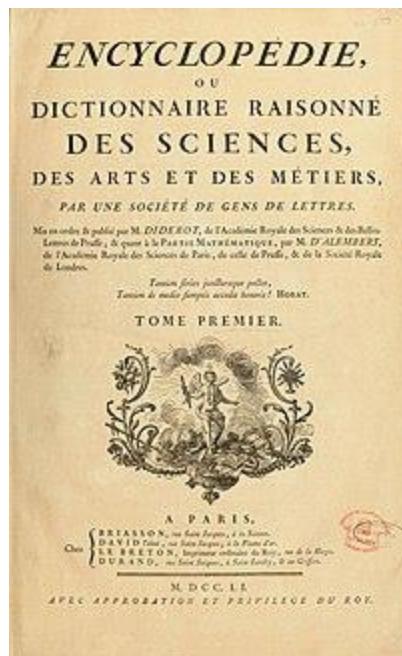
Опасаясь, что республика может привести к анархии и хаосу Вольтер считал, что сильное централизованное правительство лучше способно поддерживать порядок и стабильность, что, в свою очередь, способствует развитию просвещения и культуры.

Не будем забывать, что Вольтер был pragmatиком. Он мог видеть, что существующая структура власти трудно изменить, и полагал, что работа с просвещенными монархами была более реалистичным способом достижения прогресса, чем революционные изменения.

4

Энциклопедисты были группой французских интеллектуалов, которые работали над созданием "Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел" (Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers) под редакцией Дени Дидро и Жана ле Рона д'Аламбера. Эта энциклопедия стала одним из самых значимых проектов эпохи Просвещения, направленным на сбор и распространение знаний во всех областях человеческой деятельности.

В моей библиотеке было около двадцати томов этой энциклопедии издания начала восьмидесятых годов восемнадцатого века. Если кто-то посчитает, что это скучное чтение, он ошибается.

Открываем 7 том страница 282 и вот вам выдержка из статьи о Франции «Люди были абсолютными рабами во Франции (Les

peuples furent absolument esclaves en France) и далее «в течение девяти столетий французы оставались без промышленности, в беспорядке и невежестве; вот почему они не принимали участия ни в великих открытиях, ни в замечательных изобретениях других народов.»

И это опубликовано при власти короля задолго до свобод французской революции.

Вольтер играл важную роль в этом проекте и внес значительный вклад, хотя он не был главным редактором. Философ написал и редактировал множество статей для энциклопедии. Его вклад охватывал широкий спектр тем, включая историю, философию, литературу и религию. Он использовал свои статьи для продвижения идей Просвещения, таких как рационализм, наука и религиозная толерантность.

В своих статьях Вольтер продолжал критиковать религиозный фанатизм, суеверия и догматизм. Он использовал энциклопедию как платформу для продвижения своих антиклерикальных взглядов и борьбы с религиозной нетерпимостью.

Вольтер активно поддерживал проект энциклопедии не только своими статьями, но и своим влиянием и связями. Он использовал репутацию и связи с влиятельными людьми, чтобы защитить проект от цензуры и преследований.

Известно, что Вольтер был страстным сторонником идеи распространения знаний и образования. Он верил, что энциклопедия может сыграть ключевую роль в просвещении общества и продвижении научных и философских идей. Его вклад способствовал достижению этой цели.

Вольтер влиял на содержание энциклопедии, помогая направлять её философскую и научную ориентацию. Его идеи и взгляды находили отражение в статьях, что делало энциклопедию мощным инструментом Просвещения.

Что же касается критики творчества и философии Вольтера, некоторые критики утверждают, что мэтр, несмотря на свою остроту и умение изящно выражать мысли на бумаге, часто касался тем поверхностно. Его склонность к сатире и остроумию иногда воспринимается как недостаток глубины и серьезного анализа.

Вольтер нередко выражал противоречивые взгляды. Например, поддержка просвещенных монархов могла казаться несовместимой с его критикой деспотизма и тирании. Его вера в разум и просвещение не всегда соответствовала его пессимистическим взглядам на человеческую природу. Мыслящая часть рода человеческого, другими словами, самое большее одна стотысячная часть... *Le genre humain pensant, c'est-à-dire la cent millième partie <...> tout au plus...* — писал Вольтер в произведении «Случай с памятью» (*Aventure de la mémoire*), в 1773 году

Вольтер верил в идею просвещенного абсолютизма, но история показала, что просвещенные монархи далеко не всегда оправдывали ожидания. Его оптимизм относительно способности монархов проводить реформы часто не соответствовал реальной политической практике.

Вольтер часто высказывал скептические и даже презрительные мнения о широкой публике и их способности к самоопределению и управлению. Это могло восприниматься как элитизм и противоречие его идеалам свободы и равенства.

Вольтер часто менял свои позиции и взгляды в зависимости от обстоятельств и своих интересов. Некоторые критики считают, что он был склонен к оппортунизму, что ослабляло его моральную позицию и последовательность.

Великий мэтр иногда подвергался критике за свои моральные и этические взгляды, которые могли казаться циничными или недостаточно строгими. Его готовность критиковать религиозные и социальные нормы не всегда сопровождалась конструктивными предложениями.

Отношения Вольтера с французскими королями были сложными и переменчивыми, отражая его противоречивую роль как придворного философа и яростного критика абсолютизма и церковных институтов.

Вольтер начал свою карьеру при дворе Людовика XV и был некоторое время в фаворе. Его остроумие и литературный талант принесли ему известность и поддержку при дворе. Однако его склонность к сатире и критике религиозных и политических институтов вскоре привели к конфликтам с влиятельными лицами и церковью. Несмотря на то, что Вольтер был несколько раз арестован и изгнан из Парижа, он сохранял связи при дворе и продолжал влиять на общественное мнение.

Вольтер часто критиковал абсолютную власть монархов, в том числе и французских королей. Он осуждал деспотизм, коррумпированность и неэффективность власти, что делало его неудобной фигурой для королевского двора. Его произведения, такие как "Кандид", "Философские письма" и другие, содержали скрытую и явную критику абсолютизма.

Несмотря на свои конфликты с монархией, Вольтер оставался важной фигурой в интеллектуальной и политической жизни Франции. Он поддерживал связи с влиятельными политиками и интеллектуалами, продолжая продвигать идеи Просвещения и реформ.

Вольтер умер в 1778 году, за несколько лет до начала правления Людовика XVI. Тем не менее, его идеи и критика абсолютизма оказали значительное влияние на последующие события, включая Французскую революцию. Людовик XVI и его правление были подвержены критике со стороны мыслителей Просвещения, и Вольтер, хотя и не дожил до этих событий, оставил значительное наследие, которое способствовало падению старого режима.

Вольтер был публично реабилитирован и признан после своей смерти. В 1791 году, уже после начала Французской революции, его останки были перенесены в Пантеон в Париже, что

символизировало признание его вклада в Просвещение и борьбу за свободу и справедливость.

Без таких как Вольтер никто бы не решился сказать вслух, что короли — это всего лишь двуногие существа, как и их подданные, а власть — ничто иное, как иллюзия, созданная страхом и подчинением.

Вольтер бы точно нашел, что сказать и о нашем сегодняшнем дне. Может быть, он написал бы нового «Кандида», в котором современные лидеры обещают очередное оптимистичное будущее, а вместо этого везут нас на убой на корабле без капитана по бурным морям экономических кризисов, пандемий, социальных катализмов и военных авантюр.

В мире без Вольтера мы бы потеряли не только его остроумие и иронию, но и возможность смеяться над самими собой. А смех, как известно, — это одно из немногих лекарств от человеческой глупости, доступное без рецепта.

Так что, если бы Вольтера не было, его действительно надо было бы выдумать. Но, к счастью для нас, он был, и его наследие продолжает жить, вдохновляя нас на смех, сомнения и стремление к истине.

Как часто можно встретить бюстик Вольтера в каждой библиотеке, каждом кафе, на каждом углу. Вечно хитрый, вечно недовольный, вечно умный, вечно острый. Если бы его не было, кто бы заполнил эту нишу? Нам нужен Вольтер, как дедушка в семье, старый немного сумасшедший, но без него ни один праздник не праздник.

Вот так Вольтер — великий человек-сборник для цитат и афоризмов. Если бы его не было, его надо было бы выдумать. Не для истории, а для нашего удобства. Чтобы было кого восхвалять и кого порицать. Чтобы жизнь была чуть ироничнее, чем того заслуживает.

Потому что, кто бы еще смог, заблуждаясь сам, поднять на смех все человеческие заблуждения с таким остроумием и легкостью?

Кто еще смог бы добиться такой славы, практически ничего нового, не сказав и не сделав? Неужели Вольтер — только мастер светского трёпа и приторного остроумия, но давайте посмотрим правде в глаза: неужели его вклад так велик, как его раздули?

Вольтера превозносили как великого борца за свободу и права человека. Но разве это не преувеличение? Он был в первую очередь ловким манипулятором и блестящим оратором, который умел говорить то, что хотели слышать его покровители. Его тексты иногда более служили личной выгоде и признанию, чем истинному стремлению к изменению общества.

В мире без Вольтера мы бы, возможно, не имели столь популярного остроумца, но разве это было бы столь невосполнимой потерей? Саркастический ум и способность высмеивать — это ценные качества, но их значимость часто преувеличена.

Однако и по сей день так модно быть вольтерьянцем! Представьте себя на вечеринке, и кто-то решается заговорить о политике, об образовании, о религии — и тут вы, бац, и цитата Вольтера. Моментально вас записывают в остроумные интеллектуалы. «О, посмотрите, он вольтерьянец, он знает толк в тонкостях», — шепчут о вас по углам.

Быть вольтерьянцем сегодня — это как держать в кармане пропуск в клуб избранных. Как когда-то он будучи юнцом был введен в общество Темпль, перезнакомившись со всеми этими высокопоставленными масонами. Вы можете не интересоваться, как устроен мир, но у вас всегда будет в заднем кармане цитата Вольтера. А одно его имя, пока не полностью забытое, делает вас как бы немного выше и намного умнее. «Прав стариk Вольтер, если бы Бога не было, его следовало бы придумать», — воскликните вы, и все вокруг ахают и охают. А так ли это? Неважно. Главное, что вы — вольтерьянец.

И стильно это, конечно. Вы не один из тех, кто просто молчит и соглашается с общим мнением. Вы же вольтерьянец! Вы можете позволить себе быть вольнодумцем, бунтарем и скептиком, и даже немного циником, но при этом так элегантно, что ваш цинизм кажется частью ваш шарма.

И какие темы для разговоров открывает Вольтер! Как он высмеивал сильных мира сего, как боролся с предрассудками, как остроумно критиковал церковь. Вы ведь тоже можете это обсуждать. Это добавляет перчинку в разговоры, делает вас не таким скучным, как все.

И конечно, модно быть вольтерьянцем, потому что это как носить винтажные очки или читать книги в твердом переплете. Это не просто выбор, это стиль жизни. Это заявление о том, что вы осмысленно выбираете, на чьей вы стороне в истории идей.

Хайперы восемнадцатого века — они же философы, писатели и мыслители. Их интересы переплетались с коронованными особами весьма остроумно. Вольтер неразрывно связан с просвещенными монархами. Кто же первый пошел на контакт? Можно сказать, что и те и другие использовали друг друга в своих целях, и это был взаимовыгодный баланс между славой и властью.

С одной стороны, коронованным особам нужно было казаться просвещенными, осведомленными, в курсе последних тенденций в философии и науках. Как лучше всего это продемонстрировать? Вести оживленную переписку, даже пригласить к себе в гости Вольтера или другого известного мыслителя, позволить ему поужинать за королевским столом и, возможно, даже дать пару советов. Это добавляло коронованным особам блеска, придавало имидж просвещенного монарха, который не просто правит, но и размышляет о высоком.

С другой стороны, Вольтер и его коллеги по перу и слову искали доступ к двору — это не только признание их таланта, но и возможность распространять свои идеи среди самого влиятельного слоя общества. Это шанс на патронаж, финансовую

поддержку и, безусловно, славу. Ведь кто, как не король или королева, могли лучше всего помочь тебе "засветиться"? Плюс, это своего рода марка качества: если сам монарх приглашает тебя на чай, значит, ты действительно чего-то стоишь.

Так, кто же первый пошел на контакт? Скорее всего, это был взаимный интерес. Вольтер и прочие мыслители восемнадцатого века искали славы и признания, а коронованные особы стремились к просвещенному имиджу. Обе стороны знали, что выигрывают от такого сотрудничества, и активно этим пользовались. Это была игра на публику, где каждый старался выйти победителем.

Начинать карьеру в стиле Вольтера, значит, не просто взять и написать что-то остроумное, а сделать это так, чтобы оно отозвалось эхом по всем уголкам общества. Чтобы войти в историю, как и он, надо действительно уметь шокировать и вызывать восхищение одновременно.

Вольтер не боялся высказываться против могущественных персон. Начните с того, что выберите высокопоставленную личность, которая, по вашему мнению, заслуживает публичной критики. Лучше всего подойдет кто-то с явными промахами или спорными взглядами, чтобы ваше высказывание нашло отклик в сердцах аудитории.

Следующий шаг — это создать контент, который был бы остроумным, критическим и умным, но при этом не слишком перешел бы границы закона (чтобы избежать слишком долгого заключения). Вольтер мастерски ходил по краю, использовал иронию и сарказм для того, чтобы подчеркнуть абсурдность и лицемерие своих оппонентов.

Опубликуйте свои мысли там, где они будут замечены. В эпоху Вольтера это могли быть памфлеты или книги, сегодня же это могут быть блоги, социальные сети или даже открытые письма в популярные издания. Главное — вызвать общественный резонанс.

Ну, и конечно же не забудьте стать членом какого-нибудь мощного тайного общества, в которое входили сильные миры сего.

Вольтер не раз сталкивался с репрессиями за свои слова, включая изгнание и тюремное заключение. Будьте готовы к тому, что ваши высказывания могут иметь последствия. Ведь даже кратковременное заключение в "современной Бастилии" может стать платой за популярность и признание.

Если вы действительно умеете быть остроумным и ваш голос услышат, используйте обретенную славу с умом. Вольтер не только критиковал, но и предлагал, старался влиять на общественные процессы, писал философские трактаты и пьесы, которые заставляли людей задуматься.

Итак, вдохновляйтесь Вольтером, но помните о том, что каждое время требует своих героев и своих методов борьбы. Быть современным Вольтером — значит не только критиковать, но и предлагать, как сделать мир лучше.

Впрочем, Вольтер многое брал из старых книжек, переваривал и выдавал за свое. А если и придумывал что-то сам, так это обязательно было противоречиво. Сегодня одно, завтра другое, а послезавтра и вовсе третье.

Но вот интересно получается. Несмотря на все эти его кульбиты с мыслями, он все равно считается великим. Как это понять... То есть, на первый взгляд, и не нужен совсем, а когда посмотришь повнимательнее, так и вовсе неясно, зачем он нужен. Но велик! Это точно. Все говорят, что велик. И я не спорю. Только вот почему он велик, спрашивается? Потому что красиво говорил. А красивая речь, как известно, иногда важнее содержания. Это вам не шутки, это серьезно.

Конечно, я так говорю о Вольтере потому что завидую. Это прозрачно, как стекло, через которое я смотрю на проходящих мимо красивых дам, зная, что никто из них не обратит на меня внимания. Вольтер, с его острым языком и еще более острым

пером, мог бы написать о моей зависти целый трактат — и сделал бы это так, что я сам бы себе позавидовал.

Ведь правда в том, что зависть — это чувство, столь же честное, сколь и универсальное. Мы все завидуем кому-то: одни завидуют успехам, другие — талантам, третьи — умению говорить так, чтобы тебя цитировали веками. А я завидую Вольтеру. Завидую, потому что он входил в комнату — и все глаза были прикованы к нему. Он произносил тост — и все кивали в знак согласия, даже не понимая, что он сказал. А я? Я могу войти и выйти, и никто даже не заметит. Вот почему я завидую Вольтеру. Он был велик даже в своих противоречиях.

Зависть — это не всегда плохо, если она заставляет нас стремиться к лучшему. И если моя зависть к Вольтеру заставит хоть немного приблизиться к его остроумию и мастерству слова, то пусть будет так. В конце концов, как сказал бы сам Вольтер, если бы его не было, его пришлось бы выдумать — и я бы, возможно, завидовал ему еще больше.

А как его любили женщины! Да, Вольтер, мой друг, был весьма популярен среди дам. Его умение плести комплименты было так же изысканно, как и его умение высмеивать абсурдность человеческой природы. Женщины обожали его за остроумие, которым он мог одарить их столь же легко, как другие мужчины могли одарить банальными цветами.

Вольтер не был обычным завоевателем женских сердец, о нет! Он был больше похож на искусного жонглера, который виртуозно управляет огненными шарами своего остроумия, не обжигаясь при этом. Женщины любили его не потому, что он был красив или богат, а потому, что он заставлял их смеяться. А смех, как известно, делает нас всех немножко счастливее.

У меня двойственное отношение к Вольтеру. С одной стороны, это первый писатель, которого я прочёл по-французски, это был Задик. С другой стороны, он меня почему-то немного раздражает.

